

— Хозяин, лучше вернёмся во дворец! — Управляющий Чжуан принял назидательный тон, обращаясь к Оуяну. — Этот человек явно замышляет недоброе, и лучше вам проявить осторожность.

— Тогда поехали! — Оуян терпеть не мог, когда с ним играли в загадки. Даже если бы управляющий Чжуан не сказал этого, он бы и сам не стал ждать, пока этот загадочный человек решит появиться.

Однако двое гвардейцев сделали шаг вперёд, преграждая путь Оуяну, который уже собирался уходить. С серьёзными лицами они предостерегли:

— Пожалуйста, Девятитысячелетний, не предпринимайте пока никаких действий. Подождите здесь немного, пока мы вернёмся во дворец и вызовем повозку. Это нужно, чтобы избежать возможной засады и не допустить, чтобы мы не смогли защитить вас.

— Кто вообще сможет устроить мне засаду?

Оуян не придал этому значения, но и не стал возражать, лишь махнул рукой, разрешая гвардейцам действовать по своему усмотрению.

Гвардейцы быстро обсудили ситуацию и решили, что один из них отправится в Летний дворец за повозкой, а второй останется с Оуяном. Оставшийся гвардеец тут же закрыл окна в уединённой комнате и попросил Оуяна держаться подальше от окон и дверей.

Оуян уже несколько раз проверил окрестности своим духовным чутьём, но не обнаружил никого или ничего, что могло бы представлять угрозу. Тем не менее, он не стал создавать проблем гвардейцу, молча сев в центр комнаты, как тот и просил.

Как и ожидалось, до возвращения второго гвардейца с повозкой и целым отрядом охраны ничего опасного не произошло. Тот, кто принёс лаковую шкатулку, так и не появился.

Оуян всё больше недоумевал, но не отдавал никаких приказов о расследовании, лишь поручил управляющему Чжуану рассчитаться с владельцем чайного дома. Затем он под охраной гвардейцев сел в повозку.

Управляющий Чжуан тоже забрался внутрь, приняв вид преданного слуги, и сел рядом с Оуяном.

Как только повозка тронулась, управляющий Чжуан тут же сбросил маску верного пса, достал два звукоизолирующих талисмана и прикрепил их к обеим дверцам. Затем он серьёзно посмотрел на Оуяна и тихо спросил:

— Хозяин, вам не кажется, что почерк на этой узорчатой бумаге выглядит знакомым?

— Разве? — Оуян ничего не заметил.

— Помните, у того господина был такой же стиль каллиграфии? — напомнил управляющий Чжуан.

Увидев, что Оуян всё ещё не понимает, он поднял руку и указал в сторону Императорского дворца.

— Кто это?

Оуян сначала подумал о Ци Юньхэне. Но управляющий Чжуан в частных разговорах всегда называл Ци Юньхэна «императорской женой», никогда не используя слово «господин».

— Император Канлун! — Управляющий Чжуан вздохнул и с досадой назвал имя. — Хозяин, неужели вы его совсем забыли?!

Император Канлун был тем, кто сделал одну из женщин рода Оу наложницей, а также превратил титул графа Цинъяна в вечно наследуемый. Но Оуян не испытывал к нему ни капли благодарности и не хотел его помнить.

Когда-то между ними был период медового месяца, когда они были настолько близки, что могли делиться одной парой штанов. Но в то время император Канлун ещё не был императором Канлуном, а был лишь пятым сыном основателя государства Чэн, Чжао Хэ.

Чжао Хэ, хотя и был сыном императора, имел старшего брата, который уже был объявлен наследником престола. Вокруг него были сводные братья, жаждущие власти, и он, пятый сын, не выделявшийся ничем особенным, чья мать уже умерла, стал незаметным среди принцев.

Но всё же он был сыном императора, и это звание защищало его. Даже если его мать уже не было в живых, а у мачехи был собственный сын, никто не осмеливался открыто его унижать.

В то время Оуян ещё звали Оу Янь, и его положение было схожим, но ещё более тяжёлым.

Хотя его мать покончила с собой, его старшая сестра, воспользовавшись помощью деда и давлением общественного мнения, сумела превратить женщину, которую отец хотел сделать своей женой, в наложницу. Отец и та женщина ненавидели их, но из-за норм морали и общественного мнения не могли сразу расправиться с ними. Чтобы успокоить свою возлюбленную, ставшую наложницей, он временно отказался от идеи жениться снова, что косвенно укрепило положение Оу Яня как законного сына.

Но во многих случаях холодное насилие тоже могло убить.

Отец Оу Яня, который тогда был ещё не графом Цинъян, а лишь наследником титула, хотя и не причинял вреда своим детям напрямую, позволял своей наложнице подавлять их со всех сторон, пытаясь заставить их, как и их мать, потерять волю к жизни и покончить с собой.

К несчастью, дед Оу Яня, граф Цинъян, уже был при смерти и мог только лежать в постели, ожидая конца. Даже если он хотел помочь внукам, у него уже не было сил.

В такой ситуации брат и сестра оказались изолированными от внешнего мира, выживая лишь благодаря тайной помощи преданных слуг и выращивая овощи и кур в своём дворе.

Но они выстояли, не сломались и не потеряли желания жить.

Их отец мог не пускать их из дома, но не мог запретить другим людям заходить в дом Оу и видеть их.

Тогда Оу Яню было двенадцать лет, его сестре Оу Цзинь — четырнадцать, а пятому принцу Чжао Хэ — восемнадцать.

В тот год в доме графа Цинъяна, как обычно, проводился весенний пир. Пятый принц Чжао Хэ каким-то образом сумел пробраться туда и незаметно проник во внутренний двор усадьбы, где случайно встретил Оу Яня, занимавшегося боевыми упражнениями, а затем увидел Оу Цзинь,

выходившую с тазиком для стирки.

Чжао Хэ сразу же был очарован этими двумя красавцами, большим и маленьким, и, поскользнувшись, упал с забора.

Много лет спустя Оу Янь узнал, что Чжао Хэ пришёл в дом графа Цинъяна именно ради того, чтобы увидеть красавиц.

Род Оу не был знатным, но природа щедро одарила их красотой. Дед, даже в свои пятьдесят, оставался статным мужчиной, а бабушка была известной красавицей в округе. Их дети тоже были необычайно красивы — отец Оу Яня был настоящим красавцем, а две его тётки были невероятно очаровательными.

В то время Чжао Хэ только начинал понимать, что такое любовь, и, услышав о красоте семьи Оу, решил пробраться в их дом, чтобы увидеть, сохранили ли внуки красоту своих предков.

Чжао Хэ не разочаровался, но красавицы оказались куда более суровыми. Старшая облила его холодной водой, а младшая даже забралась на него и начала бить кулаками по самым болезненным местам.

К счастью, его слуги вовремя подросли, и Чжао Хэ не получил серьёзных травм от рук Оу Цзинь и Оу Яня.

Красота — это справедливость.

Хотя он и получил свою порцию боли, Чжао Хэ ничуть не рассердился и с тех пор стал преследовать брата и сестру, что принесло огромные перемены в их жизни.

Для Оу Яня Чжао Хэ стал как луч света в конце зимы, дав ему тепло и надежду.

С появлением Чжао Хэ брат и сестра обрели защиту, и их положение в доме резко улучшилось.

Род Оу был графским, но в то время, в начале основания государства, над ними было множество герцогов и маркизов, и маленький граф Цинъян в столице действительно не мог даже поднять волну. Единственное, что у него было, — это определённая военная власть, которая не позволяла другим слишком сильно его презирать.

Чжао Хэ, хотя и был всего лишь принцем без титула, своим происхождением и кровью уже заставлял семью Оу бояться его и не сметь ему перечить.

Чжао Хэ открыто выражал свою страсть к Оу Цзинь и даже распространил слухи в доме графа Цинъяна, чтобы семья Оу не спешила искать жениха для Оу Цзинь. Оу Янь даже подумал, что Чжао Хэ станет его зятем.

Но этому «предположению» не суждено было сбыться, так как дед семьи Оу скончался, и свадьбу Оу Цзинь пришлось отложить.

По совету Чжао Хэ Оу Янь и его сестра Оу Цзинь покинули дом графа Цинъяна, чтобы проводить гроб деда в их родную деревню и провести там три года в трауре. Это позволило им избежать домашних конфликтов и не дать отцу и его наложнице продолжать преследовать их. В то же время они смогли воспитать своих верных слуг и набраться сил, чтобы, вернувшись в дом графа Цинъяна, противостоять остальным членам семьи и больше не подвергаться их преследованиям.

<http://bllate.org/book/16203/1454771>